

Что касается одноклассников по немецкому, то Тань Юмин уже давным-давно забыл и о них, и об отделяемых и возвратных глаголах с уроков, которые он посещал в пятнадцать лет. Единственное, что глубоко врезалось в его память, — это тот день, когда Шэнь Цзуннянь внезапно исчез.

Когда старый господин Шэнь находился при смерти, борьба за власть в семье Шэнь достигла точки кипения. Шэнь Сяочан предпринял попытку убить Шэнь Цзунняня.

Хайши, в конце концов, был слишком мал, там негде было спрятаться. После того как за Шэнь Цзуннянем несколько раз устанавливали слежку, отслеживали геолокацию и прослушивали, старый господин Шэнь и семья Тань решили тайно отправить его за границу. Там он должен был находиться под надёжной охраной в изоляции, пока всё не уляжется.

Операция проходила в строжайшей тайне. Тань Юмин не помнил, какой это был день недели. Шэнь Цзуннянь, который каждый день будил его и надевал на него носки, просто не появился.

Прошёл день, затем второй. Все вокруг хранили гробовое молчание. Главный возмутитель спокойствия пришёл в неопишумую ярость. Он подслушал разговор отца с дедом, вычислил, где прячется Шэнь Цзуннянь, и тут же решительно записался на курсы немецкого языка.

Тань Юмин, который отродясь не получал оценки «А» ни по одному предмету, стиснул зубы и, как ни странно, весьма неплохо выучил немецкий. Впрочем, его плану тайком сбежать за границу на поиски так и не суждено было осуществиться.

После смерти старого господина Шэня семья Тань приложила все усилия, чтобы завещание осталось в неприкосновенности и не было подделано.

— Мин-цзай, детка, — Гуань Кэчжи ущипнула сына за щёку и усмехнулась. — Твои хитроумные планы трещат так громко, что их слышно даже на другом берегу реки.

Но никто не мог устоять перед сладкими речами Тань Юмина. С самого детства он мастерски умел умягчить женщин. Гуань Кэчжи, махнув рукой на возражения Тань Чжуншаня, позволила сыну отправиться вместе с телохранителями, чтобы забрать Шэнь Цзунняня на родину.

Только тогда Тань Юмин узнал, что Шэнь Цзуннянь вовсе не находился в немецкоязычном регионе. Возможно, он и был там недолгое время, но ради того, чтобы уйти от погони, ему приходилось постоянно менять укрытия.

От Куско в Перу, к югу от экватора, до Атакамы — последней остановкой Шэнь Цзунняня стал Фэрбекри.

Это священное место, озарённое полярным сиянием, находилось менее чем в двадцати

километрах от незамерзающего порта Мурманск.

В Фэрбекри круглый год шли сильные снегопады и безмолвствовали ледники. Тань Юмин свалился туда как снег на голову. Словно мощный, неудержимый тропический ураган, он был готов растопить даже тысячетлетние льды.

Много лет спустя Шэнь Цзуннянь всё ещё помнил, что в Фэрбекри, где более трёхсот дней в году стояла снежная мгла, в день появления Тань Юмина выдалось целых полдня ясной погоды.

Шэнь Цзуннянь стоял в снегу и практиковался в стрельбе. Выражение его лица было суровым и холодным. Тань Юмин же, сверкая широкой улыбкой и обнажив клыки, бросился к нему, словно экваториальное солнце. С невероятным восторгом он налетел на него и крепко сжал в объятиях.

— Блять, почему ты так исхудал?

— Они что, тебя не кормят?

— Я прямо сейчас пойду и донесу госпоже Гуань, что Тань Чжуншань издевается над тобой!

Тань Чжуншань нанял крепких, свирепых русских, чтобы те обучали Шэнь Цзунняня рукопашному бою и стрельбе. Кроме того, каждый день на него сваливались учебные задачи, которые были в сотни раз сложнее любой школьной программы.

Всё это походило не столько на изоляцию ради защиты, сколько на суровую секретную тренировку. Навыки выживания, водные перевозки семьи Шэнь, зарубежные активы — ему нужно было выучить слишком много.

За этот год разлуки Шэнь Цзуннянь стремительно повзрослел. Тань Юмин уже не мог за ним угнаться. В Шэнь Цзунняне начали проступать зачатки той мрачности и безжалостности, что станут ему присущи в будущем.

Однако Тань Юмин не почувствовал никакой отчуждённости. Он намертво обвил его всеми четырьмя конечностями.

Шэнь Цзуннянь замер. Оказывается, у солнца есть сердцебиение.

И сердце солнца билось ради него.

Шэнь Цзуннянь попытался оттолкнуть его, но безуспешно. Тань Юмину даже не нужно было смотреть, чтобы понять, какое у него выражение лица. Ещё до того, как Шэнь Цзуннянь успел нахмуриться, Тань Юмин закрыл ему рот ладонью и перехватил инициативу:

— Ладно, можешь меня не ругать. В любом случае, сейчас я и шагу ступить не смогу.

Этот изнеженный цветок, рождённый в тропиках, совершенно не выносил суровых морозов и снегов. С того самого момента, как он сошёл с самолёта, его тело полностью онемело.

Шэнь Цзуннянь с бесстрастным лицом опустил взгляд и посмотрел на него. Тань Юмину было всё равно. Он привычно обошёл его сзади, взобрался ему на спину и сказал:

— Всё, можем идти.

Шэнь Цзуннянь нарочно сильно подбросил его на спине.

Тань Юмин едва не свалился:

— Ебать—

Шэнь Цзуннянь молча нёс его по снегу. Его высокая фигура загораживала их от встречного снежного ветра.

Тань Юмин сзади обмотал свой шарф вокруг шеи Шэнь Цзунняня. Тот тут же нахмурился и крепко сжал его голень, собираясь сказать, чтобы он не дёргался. Но тут послышался ленивый голос:

— Хватит уже, мы в Сибири, перестань строить из себя крутого.

Тань Юмин боялся холода, поэтому прижимался к Шэнь Цзунняню очень близко. Когда он говорил, горячее дыхание обжигало Шэнь Цзунняню ухо — становилось влажно и щекотно.

Он нетерпеливо отвернул голову. В лицо Тань Юмину тут же ударил порыв ветра со снегом. Он недовольно цокнул языком и слегка потянул за шарф, словно натягивая поводья дикого, необузданного мустанга.

Взгляд Шэнь Цзунняня стал ещё холоднее, на виске вздулась вена. Пальцы, сжимавшие ногу Тань Юмина, впелись сильнее, но он так и не смог, никак не смог вырваться из того тепла, что окутывало его со спины.

В камине домика горел огонь. Стоило Тань Юмину появиться, как он тут же устроил бардак в некогда аскетичной комнате Шэнь Цзунняня. Он привёз с собой игровую приставку, шарф, связанный Гао Шухун, и даже великолепный суп, который Гуань Кэчжи лично сварила для Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь посмотрел на его пересохшие и шелушащиеся от холода губы, которые всё никак не умолкали. Он налил стакан горячей воды и скомандовал:

— Пей до дна.

У Тань Юмина не было времени пить воду:

— На, это твой Такахаси.

Астрономический телескоп, цена которого равнялась стоимости часов Тань Чжуншаня.

От учеников международного отделения школы Инхуа строго требовали вступить хотя бы в один кружок. Чжао Шэнгэ выбрал секцию робототехники, а Шэнь Цзуннянь присоединился к астрономическому клубу.

Тань Юмин поначалу загорелся идеей и собирался вместе с Чжо Чжисюанем торжественно вступить в команду по танцу льва. Но из-за яростного сопротивления Чжо Чжисюаня они в итоге отправились в клуб боевых искусств Вин-Чун.

Этот телескоп был подарком на день рождения Шэнь Цзунняню от Тань Чжуншаня и Гуань Кэчжи.

— Здесь столько звёзд, насмотришься вдоволь. — Тань Юмин распахнул окно. Хотя снег уже прекратился, он всё равно содрогнулся от холода.

За окном протекала река Нервис — единственная река с внешним стоком, бегущая через эти снежные горы. Благодаря тёплому Северо-Атлантическому течению она не замерзала и в конечном итоге впадала в Северный Ледовитый океан в районе Мурманска.

Вода медленно текла, и звук её столкновения с камнями казался на фоне снега особенно умиротворяющим.

Солнечный свет тоже был спокоен. На снегу птицы клевали семена трав и упавшие плоды, а золотые лучи ложились на их белое оперение.

Подул ветер, и нос Тань Юмина тут же покраснел.

Шэнь Цзуннянь нахмурился и приказал:

— Закрой окно.

Голос его не был злым, но властности в нём стало куда больше, чем раньше. Тань Юмин скривил губы, но стерпел. При этом он случайно смахнул со стола какой-то образец под стеклом.

— Что это?

Шэнь Цзуннянь, вещь за вещью, собирал его разбросанный багаж и, даже не поднимая головы, ответил:

— Сувенир, раздавали на улице.

Тань Юмин спрыгнул с подоконника, подбежал к нему, выудил из его кармана телефон и сфотографировал образец для поиска.

Морфо Елена, обитающая в бассейне реки Амазонки в Перу. За то, что узор на её крыльях напоминает белую пену, поднимающуюся на лазурных морских волнах, её также называют «богиней света».

Первой остановкой Шэнь Цзунняня стала Южная Америка. Возле Храма Солнца в Куско было полно людей, продающих туристам засушенных бабочек. Шэнь Цзуннянь проходил мимо, не обращая на них никакого внимания.

Пока одна босоногая индейская девочка не преградила ему путь и на ломаном английском, запинаясь, не попыталась продать товар: «...живут вечно...»

В голове Шэнь Цзунняня внезапно всплыло ошеломлённое и убитое горем лицо Тань Юмина — в тот самый день, когда он узнал о смерти Бочжу.

Это был маленький белый пёсик с очень круглой головой, которого Чжао Шэнгэ непонятно откуда подобрал.

Как-то раз Тань Юмин сказал, что накупил кучу дорогого собачьего корма, а Чжао Шэнгэ спокойно ответил ему, что щенок уже умер.

Тань Юмин в шоке стал допытываться, что случилось. Чжао Шэнгэ не стал пускаться в долгие объяснения. Он сидел, наполовину опустив голову над книгой, так что лица его не было видно. Не казалось, что он сильно опечален. Он лишь тихо и спокойно сообщил, что в будущем корм покупать больше не нужно.

Тань Юмин поразился его безразличию и в гневе обозвал хладнокровным ублюдком.

И это Чжао Шэнгэ тоже принял совершенно спокойно.

Долгое время отношения между ними оставались прохладными. Тань Юмин даже настрого запретил Шэнь Цзунняню принимать сторону этого бессердечного, хладнокровного дьявола.

Дружба в их кругу была тонкой и хрупкой материей. Она была полна скрытых мотивов из-за слишком раннего вступления во взрослый мир, недопониманий и жестокой правды, скрывающейся за фасадом выгоды.

Если щенки живут недолго, то, наверное, засушенная бабочка сможет?

Обретшая бессмертие бабочка прилетела из тропических лесов на одинокую заснеженную гору. Тань Юмин взял в руки рамку и, подняв голову, внимательно её рассматривал. Его ресницы трепетали, словно крылья бабочки.

Ему нравилось всё роскошное и красивое. Совершенно не сомневаясь, он заявил Шэнь Цзунняню:

— Я её забираю.

Шэнь Цзуннянь ещё не закончил собирать разбросанные вещи и проигнорировал его.

Но Тань Юмин знал, что это означает молчаливое согласие.

Правда, пройдёт ещё очень много времени, прежде чем он по-настоящему осознает: ему вовсе не нужно спрашивать разрешения, чтобы забирать вещи Шэнь Цзунняня. И это касалось не только бабочек.

Развлечений по ночам в снежных горах было немного. Неподалёку от домика находилась крошечная обсерватория. Говорили, что её построила в прошлом веке заблудившаяся арктическая экспедиция, чтобы ориентироваться по звёздам.

Астрономический телескоп, который привёз Тань Юмин, пришёлся как нельзя кстати.

Горные районы в высоких широтах — идеальное место для наблюдения за звёздами. Шэнь Цзуннянь так долго состоял в астрономическом клубе, но только в эту ночь ему удалось разглядеть туманность Ориона.

Когда он настраивал параметры окуляра, выражение его лица было таким расслабленным, каким никогда не было за весь этот год бесконечных скитаний.

Но они оба понимали, что это лишь на одну ночь. Полярное сияние и млечный путь были прекрасны, но у них была только эта ночь.

Вступление завещания в силу — это только начало. По возвращении на родину развернётся настоящая жестокая битва.

Тань Юмин от природы не был склонен к меланхолии и сентиментальности. Он приложил руки к задней стороне шеи Шэнь Цзунняня, чтобы согреться, и беспечно произнёс:

— Звёзды есть везде. Когда вернёмся, сможем любоваться ими каждый день.

Шэнь Цзуннянь перехватил его запястья:

— Веди себя смирно.

Тань Юмин пропустил его слова мимо ушей и продолжил гнуть своё:

— Можно поехать на гору Сяотань, оттуда отлично видно.

Шэнь Цзуннянь осадил его:

— На горе Сяотань нет обсерватории.

Там была лишь смотровая площадка и нескончаемый поток туристов. Шумно и раздражающе.

Юношеская дурь молодого господина Таня, готового бросать деньги на ветер ради чужой улыбки, уже тогда начала проявляться во всей красе:

— Тогда я построю её для тебя!

«...» Сердце Шэнь Цзунняня дрогнуло. Он ничуть не сомневался, что с его капризным характером тот действительно способен на такое. Он отстранил его и сухо бросил:

— Не выдумывай.

Тань Юмин был слаб, но полон энтузиазма. Он дрожал от холода, но не желал заканчивать наблюдение за звёздами. В конце концов, после того как он чихнул несколько раз подряд, Шэнь Цзуннянь просто взял его за шиворот и зашвырнул обратно в комнату.

Его тело онемело от холода. Лёжа рядом с Шэнь Цзуннянем, он пнул его в бедро и заторопил:

— Раскрывайся давай, я сейчас замёрзну насмерть.

Шэнь Цзуннянь холодно усмехнулся:

— Так тебе и надо.

Но Тань Юмин продолжал перебирать ледяными ступнями по его ногам. В конце концов Шэнь Цзуннянь, как и раньше, милостиво приподнял ногу и зажал его ступни между своими бедрами, позволяя согреться.

По возвращении в Хайши Шэнь Цзуннянь быстро приступил к ещё более суровым тренировкам наследника.

В завещании было чётко указано, что до совершеннолетия Шэнь Цзунняня унаследованное им имущество и властные полномочия временно передаются под управление семьи Тань.

Шэнь Цзуннянь был очень занят. Они больше ни разу не ездили смотреть на звёзды. А немецкий язык, который Тань Юмин учил год и семь месяцев, разумеется, вылетел у него из головы.

Зато с одноклассниками он поддерживал связь до сих пор.

Тань Юмин с улыбкой на лице перекинулся парой слов с великим режиссёром. Внезапно раздался звонок — это была Гуань Кэчжи.

— Он за рулём, — со смехом прокричал в трубку Тань Юмин. — Кто это шляется? Не надо перекладывать с больной головы на здоровую!

Гуань Кэчжи сообщила, что через несколько дней возвращается на остров. Она позвала их с Шэнь Цзуннянем домой на ужин, сказав, что накупила кучу местных деликатесов и хочет лично им всё приготовить.

Тань Юмин поспешно отозвался:

— Вы слишком любезны, директор Гуань. Вы, должно быть, так утомились, пока отдыхали. Оставьте готовку шеф-повару. Пусть профессионалы занимаются своим делом, ха!

Гуань Кэчжи раскусила его уловку и со смехом отчитала. Тань Юмин тоже рассмеялся.

Видимо, слухи о том, что мать его друга якобы попала в больницу, прозвучали слишком внезапно. На душе у Тань Юмина было беспокойно, поэтому он ещё немного поболтал с Гуань Кэчжи о том о сём, прежде чем повесить трубку.

Тань Юмин передал Шэнь Цзунняню приказ вдовствующей императрицы:

— Девятого числа едем домой на ужин.

— Директор Гуань сказала, что весной, после юбилея дедушки, сразу устроят и помолвку Джоуи. Двойная радость.

Тань Юмин очень трепетно относился к браку младшей сестры:

— Скажи Чжун Маньцин, чтобы заранее освободила расписание.

Неизвестно, слушал ли его Шэнь Цзуннянь. Он безотрывно следил за дорогой.

Тань Юмину и не нужен был его ответ, он продолжал рассуждать:

— Подарок нужно подготовить заранее. — Он перечислил несколько очень солидных вариантов, больше всего боясь, что Тань Цзуи почувствует себя обделённой.

Хоть это и был политико-экономический брак по расчёту, благословение и забота старшего брата о младшей сестре были абсолютно искренними.

— И ещё, госпожа Гуань заказала нам обоим новые костюмы и просила приехать домой примерить.

Что это значило — понятно без слов. Помолвка дочери семьи Тань не могла быть просто помолвкой. Это был отличный повод для глав различных семейств представить молодое поколение друг другу, наладить связи и укрепить отношения.

Шэнь Цзуннянь крутанул руль. Семья Тань действовала куда быстрее, чем он ожидал.

— Опять притворяешься немым? — Тань Юмин потянулся через него за сигаретами. Сегодняшний день и без того выдался скверным. Ситуация с Се Чжэньлинем оставила неприятный осадок.

— Не загораживай обзор, — Шэнь Цзуннянь отодвинул его и коротко пояснил. — В середине месяца мне нужно лететь в Роттердам на встречу с Фíлипе. Я скажу Чжун Маньцин, чтобы она скинула тебе каталог аукционов на этот месяц. Выберешь сам.

Тань Юмин решил, что речь идёт о делах зарубежного филиала «Цзяньсинь». Семья Фíлипе всегда была их первостепенным клиентом на международном рынке, и продление контракта было запланировано на период после праздников. Поразмыслив, он произнёс:

— Это же не настолько срочно. Если оба старших брата пропустят такое важное событие в жизни нашей маленькой принцессы, это будет выглядеть совершенно возмутительно.

— Для встречи с Фíлипе нам обоим там присутствовать необязательно. А подарок передашь от нас обоих.

Помимо продления контракта «Цзяньсинь», на повестке стояло энергетическое соглашение корпорации «Хуаньту», и Шэнь Цзуннянь хотел заодно провести инспекцию.

Тань Юмин слегка оторопел. Его первой мыслью было вовсе не то, что Шэнь Цзуннянь не успеет на помолвку младшей сестры. Прикурив сигарету, он спросил:

— В каком смысле?

Шэнь Цзуннянь нажал на педаль газа и вынес окончательный вердикт:

— Я еду на встречу с Фэ́липе, а ты отправляешься на помолвку.

Тань Юмин замолчал. Положив руку с сигаретой на край опущенного окна, он ровным тоном сказал:

— Тогда я прилечу к тебе сразу после помолвки.

Шэнь Цзуннянь ответил:

— Поездка продлится три месяца.

— Почему?

Шэнь Цзуннянь сказал полуправду:

— Ещё нужно заняться энергетическим проектом.

Тань Юмин поразмыслил и предложил:

— Тогда я перенесу инспекцию проектов компании «Пинхай» на первую половину года и мы займёмся ими заодно. Это легко скоординировать. Я буду летать туда-сюда, это не проблема.

Шэнь Цзуннянь крепче сжал руль. Он понимал: если не сказать этого сейчас, он так никогда и не решится на этот шаг. Помолчав мгновение, он напомнил:

— Тань Юмин, три месяца — это не три дня.

Тань Юмин уловил скрытый смысл. Его ангельское терпение, которое он сохранял весь вечер, наконец дало трещину, и он язвительно парировал:

— Чжао Шэнгэ на три года уехал в Лос-Анджелес, и что-то я не заметил, чтобы «Минлун» развалился.

Тань Юмина совершенно не волновали холодность, властность и безапелляционность Шэнь Цзунняня. С ним можно было договориться обо всём на свете, но именно этот пункт был его красной линией, пересекать которую категорически запрещалось.

В то время Шэнь Цзуннянь ещё не подозревал, что причиной тому была лёгкая форма сепарационной тревоги. Она возникла у Тань Юмина из-за стресса, когда тот внезапно исчез, будучи пятнадцатилетним подростком. Шрам от того резкого юношеского расставания так и не зажил до конца.

Для Шэнь Цзунняня это была всего лишь очередная, одна из бесчисленных безуспешных

попыток разорвать эту зависимость.

Да и сам Тань Юмин лишь в будущем, в тот день, когда Шэнь Цзуннянь действительно покинет его, внезапно осознает: его привычка требовать, чтобы Шэнь Цзуннянь постоянно скидывал свою геопозицию, взялась не на пустом месте.

Шэнь Цзуннянь стоял на самом краю пропасти, балансируя над бездной. Он не знал, как долго ещё продержится та жалкая крупица совести, за которую он отчаянно цеплялся.

У него не было ни морали, ни рамок приличия. Его тёмные, уродливые желания рано или поздно вырвались бы из клетки. Но пока ещё не стало слишком поздно, Шэнь Цзуннянь усилием воли остановился у самой черты. Сохраняя предельную рациональность, он произнёс:

— Я бы не советовал.

Вплоть до этого момента с Тань Юмином всё ещё можно было вести диалог. Подавив подступающий гнев, он затянулся сигаретой и усмехнулся:

— Шэнь Цзуннянь, чем это я опять тебя выбесил?

Он ведь уже сказал, что может скорректировать свои планы.

Шэнь Цзуннянь невозмутимо объяснил:

— Ничем. Я просто констатирую факты.

— Если ты тоже уедешь, главный офис останется без руководства.

Что за идиотская отговорка? Гнев ударил Тань Юмину в голову. Он глубоко вздохнул:

— То есть ты твёрдо решил лететь в Роттердам один?

Шэнь Цзуннянь терпеливо попытался воззвать к голосу разума:

— Это самое логичное решение.

Его сердце сжалось, трепеща, словно уличный фонарь, то вспыхивающий, то гаснущий во тьме. Хороший характер Тань Юмина проявлялся исключительно тогда, когда он был в настроении:

— Тогда останови машину.

«...» Шэнь Цзуннянь проигнорировал его требование.

То, что он мог оставаться таким спокойным, разозлило Тань Юмина ещё больше. Внезапно он

потерял контроль над своими эмоциями и несколько раз со всей силы дёрнул ручку дверцы. Бентли издал пронзительный предупреждающий сигнал.

Шэнь Цзуннянь рявкнул:

— Ты что творишь?!

Воспользовавшись тем моментом, когда Шэнь Цзуннянь ударил по тормозам, Тань Юмин ловко и решительно распахнул дверь и выскочил из машины.

Слегка наклонившись, он сквозь открытое окно и ночной сумрак вызывающе ткнул пальцем с зажатой сигаретой в Шэнь Цзунняня:

— Я не знаю, какая муха тебя сегодня укусила. Новый год на носу, и у меня нет ни малейшего желания с тобой ругаться. Обычно, если ты говоришь мне идти на восток, я никогда не поворачиваю на запад. Но любой, у кого есть хоть капля совести, никогда бы не ляпнул ничего подобного.

Нахер таких друзей детства. Вся моя искренность, блять, была ошибкой.

Позади посигналили автомобили. Шэнь Цзуннянь скомандовал:

— Немедленно садись в машину.

От того, как он на него посмотрел, повеяло ледяным холодом.

Тань Юмина больше всего бесило, когда он так делал. Смотрит он, вылупился, чего уставился?! Сжав сигарету зубами, он со злостью пнул Бентли:

— Пошёл нахуй.

Бросив даже свою куртку, Тань Юмин резко развернулся и зашагал прочь. Вечерний ветер с реки Сянцзян трепал его рубашку, придавая ему дерзкий, неприкаянный вид. В сочетании с такой внешностью он привлекал к себе множество взглядов — прохожие думали, что это какая-то зазнавшаяся суперзвезда.

Шэнь Цзуннянь нажал на газ, но тут же застрял из-за потока пешеходов и красного светофора в центре города. Он спокойно смотрел, как силуэт впереди удаляется всё дальше и дальше.